

Изначально дело было бы идеальным завершением, но на удивление жена Эрму внезапно сказала с опущенной головой: "Отец, ребенок семьи Чжан убил Эрму, я не приведу ребенка к нему домой только для того, чтобы пригласить его на похороны".

Девушка была одета во все белое вместе со своим красивым лицом, но ее глаза были опухшими, как персики от слез, ее звали Ли Чуньран. Она была не жительницей деревни Западный Сычуань, а дамой из молодой, образованной семьи в уезде Ку.

Она работала товарным инспектором в фруктовой гастрономической компании в уезде Ку. Они знали друг друга, когда Эрму посылал горные товары. Они начали отношения по своей воле, потом поженились, и она переехала в деревню Гуаво.

Выросшая на другом фоне, она не очень боялась деревни Гуаво, несмотря на власть семьи Чжан, которая передавалась сотни лет в этой крошечной горной деревушке.

"Что ты сказал?" Он Душу был вежлив с гостем, но его невестка, только что ставшая вдовой, казалось, имела полную власть, так как яростно спрашивал, хмурясь и нахмурясь.

"Я не пойду в дом семьи Чжан, чтобы пригласить их на похороны". Так как жители деревни вообще не показывают свои гуманитарные науки, сделайте, что хотите. Хуже всего, я пойду туда, чтобы сопровождать Эрму!" Ли Чуньран почувствовала себя обиженной и расстроенной после того, как ее ожесточенно допрашивал тесть. Вместо того, чтобы чувствовать себя плохо, она тут же подняла голову и закричала в ответ широко раскинутыми окровавленными глазами.

"Ты будешь сопровождать Эрму, ты будешь сопровождать Эрму..." Он Душу на некоторое время замолчал и сказал, улыбаясь от злости, когда его руки и ноги дрожали: "Если ты собираешься сопровождать Эрму, то как насчет ребенка?".

"Он потерял отца в четыре года, а теперь он потеряет мать. Как насчет того, чтобы взять его с собой, чтобы сопровождать отца?"

Её сын был единственной слабостью Ли Чуньрана, которая была у неё на данный момент. Услышав, что сказал Хэ Душу, она была ошеломлена на месте. Спустя некоторое время из ее глаз медленно выливались слезы размером с фасоль. Позже она медленно повернулась и пошла к их дому.

Душу посмотрел на свою невестку, которая вытщила молодого мула их семьи с блестящими волосами и вытерла слезы, когда забирала его внука, который бегал вокруг. Затем он опустил голову и пробормотал: "Эрму ты, чёртов ребёнок, у тебя впереди большое будущее, почему ты этого не ценил, почему ты этого не ценил..."

Тао Лиелин, который стоял в стороне, не мог не вздохнуть, в то время как его глаза покраснели, как он мягко посоветовал Хэ Душу: "Дядя Душу, это судьба". Не думай слишком много".

"Разве у вас до сих пор нет ребёнка? Дайте ему хорошее образование, пока вы воспитываете его, отправьте его в университет и получите степень магистра. К тому времени, заставьте его вытащить вас с горы на пенсию. Ваши дни впереди еще выглядят неплохо".

Он Душу выскочил из своего горя и показал улыбку попрошайничества на его лице, которое было морщинистым, как кора дерева: "Ты прав, племянник Лин".

"Ребёнок - единственная надежда нашей семьи. Пожалуйста, скажите что-нибудь приятное отцу Лишэну из семьи Чжан. Пожалуйста, умоляйте его о пощаде. Виноват был Эрму, а не его ребёнок..."

"Не волнуйся, дядя Душу. Все будет хорошо, даже если я не скажу тебе ничего хорошего".

"Подумай об этом. Лишэн приедет к тебе домой, чтобы помочь с похоронами, зачем ему делать что-то подлое?"

"Это было благодаря вам, шеф Тао."

"Пожалуйста, дядя Душу. Пожалуйста, не будь со мной вежлив."

"Жена Эрму привезла мула, я приведу ее в дом семьи Чжан".

"Конечно, конечно. Простите за беспокойство, племянник Линь. Пожалуйста, передайте ещё одно сообщение отцу Лишэну. Так как я посылаю своего покойного сына, согласно обычаю, мне не разрешается навещать его, чтобы просить прощения. Пожалуйста, умоляйте его простить меня, пожалуйста, простите меня".

"Не беспокойтесь об этом. Я ухожу, дядя Душу. Могу вас заверить сотню и даже тысячу раз, что все в порядке." Как он сказал, Тао Лиелин пошёл по дороге к старому дому семьи Чжан вместе с Ли Чуньяном, который привёз молодого мула, пока вынашивал её ребёнка.

В этот момент Чжан Лишэн находился на кухне своего дома, смешивая различные лекарственные порошки в грубой фарфоровой банке и внимательно следя за тем, как это было записано в древней книге под названием "Рецепт тысячи червей".

Он не пользовался точной единицей измерения веса. Вместо этого, он следовал волшебному инстинкту при добавлении и смешивании медицинского порошка непрерывно, но медленно, но без колебаний. Медленно из фарфоровой банки выходил своеобразный запах лекарства из трав.

Чжан Лишэн кивнул в удовлетворении, когда он нюхал странный запах лекарства в воздухе. Он смешивал порошок лекарства, который был в фарфоровой банке сильнее. Однако он не заметил, что запах лекарства, который заполнил весь дом, распространился по всей полкой дверной витрине кухни.

Плотность запаха оставалась, даже если дул ветер. Вскоре Тао Лелин, приехавший к входу в старый дом семьи Чжан, почувствовал запах.

Тао Лилин хмурился и бормотал: "Что это за запах?"

"Медицинский запах, он выходит из старого дома семьи Чжан. Кто знает, что убийца семьи Чжан планирует сделать на этот раз." Ли Чунран, который стоял за ним, говорил беспощадно, сквозь щели в зубах.

"Жена Эрму, не говори ерунды ради своего ребенка. Иначе я не позабочусь о последствиях, если что-то случится". Тао Лилин повернулся и яростно сказал. Затем он громко ударил по деревянной двери старого дома семьи Чжан: "Лишэн, Лишэн, что ты делаешь? Быстро открой дверь, и что это за запах тяжелого лекарства?"

Услышав крики за дверью, Чжан Лишэн поспешно запечатал банку с лекарствами пробкой и тут же побежал во двор, громко закричав: "Дядя А, Ложь, я иду. Я смешиваю какой-то тушеный ингредиент."

Большая часть земли Мяовэй была влажной, так что люди обычно смешивали травы с функцией устранения влаги в еде. Тао Лилин кивнул, не имея ни малейшего сомнения, как он сказал: "Лишэн, тебе должно быть трудно быть сильным, будучи разумным, и в то же время обладать способностью заботиться о себе, когда тебе только больше десяти лет".

"Как это возможно? Это просто готовка, дядя А Ложь. Давай поговорим о серьезном деле."

"О да, о серьезном. Семья Эрму привезла своего ребенка, чтобы пригласить тебя на похороны."

"Пожалуйста, примите этого молодого мула, пожалуйста, простите все ошибки и обиды, которые были совершены ранее."

"Жена Эрму, не хотите что-нибудь сказать?" Тао Лилин сказал и повернулся, уставившись на Ли Чунрана с серьезным выражением лица.

Ли Чуньран подняла голову и не могла удержаться от выражения обиды на лице, когда смотрела на молодого человека, стоящего у подоконника, который казался немного паникующим.

"Жена Эрму, пожалуйста, несите ребенка как следует и скажите что-нибудь быстро". Увидев на лице обиду Ли Чуньрана, Тао Лилин тут же подтолкнул ее словами со скрытым смыслом.

Ли Чуньран была шокирована, ее выражение стало нежным, когда она посмотрела на своего сына, который засыпал у нее на руках.

После некоторого молчания она взяла на себя инициативу и положила в руку Чжан Лишэна молодого мула и сказала с опущенной головой: "Отец Лишэн, дитя мое еще молодо". От его имени я приглашаю вас отменить похороны его отца".

Человеку, у которого еще осталась совесть, может быть очень легко убить человека, которого он убивал в тот момент, но столкнуться с их опустошенной, невинной семьей было очень трудно.

Чжан Лишэн, несомненно, не хватало его спокойствия и прохлады, когда он скандировал заклинание. Тем не менее, в тот самый момент для него было определено невозможно издавать звук "пшшш...".

"Я сейчас же пойду туда, тётя. Я пойду после того, как переоденусь, пожалуйста, подождите меня".

"Дядя А Ложь, пожалуйста, подожди меня. Я пойду переоденусь." Чжан Лишэн удобно привязал мула на деревянной пряжке на дверном замке, а потом поспешно побежал в свою спальню.

Точно так же Чжан Лишэн, который был в полном традиционном костюме Мяовэй, появился в доме Эрму, который был бамбуковым домом, более десяти минут спустя.

На самом деле, на похоронах не нуждался в помощи молодой человек, которому было больше десяти лет, ни в чем не нуждался. Его присутствие было лишь символом примирения семей Хэ и Чжан.

Вскоре те сельские жители, которые получили приглашение на похороны Ли Чунрана, ранее поочередно появлялись в доме Эрму. С помощью толпы все, что было необходимо для похорон, включая слово "похороны", похоронные цветы, каменную платформу и т.д., вскоре было полностью готово.

Когда было два-три часа дня, наконец, из дома Эрму официально доносились громкие, душераздирающие крики.

Хотя он не имел никакого отношения к делу, присутствие Чжана Лишэна в доме Эрму превратилось в несколько часов. Он вернулся домой только после того, как старики из горной деревни, приехавшие помочь с похоронами, постепенно ушли после ужина вечером.

Молодой мул все еще был привязан к застёжке двери старого дома. Он начал трепаться о копыта с тревогой, так как весь день проголодался с голоду.

Считалось, что если Ли Чунран не надел отруби до того, как принести мула в старый дом семьи Чжан, то это большое животное должно быть плакало "аххх..." к тому времени.

Глядя на молодого мула, Чжан Лишэн погладил его блестящую шерсть и удобно ощипал траву у дороги. Затем он махнул травой и бросил их на землю, из-за чего мул в испуге шевельнулся головой, пока его голова держалась на низком уровне.

Воспользовавшись случаем, он быстро побежал на кухню и сначала поместил грубую фарфоровую банку с травяным порошком в бамбуковую корзину и отнес ее на спину. Затем он прижал к талии острый короткий лезвиевой костяной нож и накрыл его верхней одеждой. Наконец, он схватил большую высушенную посуду и большим шагом вернулся во двор.

Молодой мул все еще двигал головой, когда Чжан Лишэн воспользовался возможностью завязать посуду на глазах.

Для домашнего животного, которое приручалось в горной деревне, повязка на глаза означала, что им придется начать работать. Естественно, после работы их кормили сладкой и ароматной травой.

Поэтому молодой мул вскоре успокоился и позволил Чжан Лишэну вынести его из дома.

Полумесяц только что поднялся по горным каменным дорогам. Сцена, когда молодой человек в традиционном костюме Мяовэя вытаскивал на прогулку мула весом от шестисот до семисот кошек, была необычной даже для деревенского жителя Мяовэя.

Однако, поскольку жители деревни Гуаво относились к Чжан Лишэну как к "отцу", никто не стал бы его допрашивать, даже если бы он делал что-то своеобразное.

Напротив, был один иностранный турист, который знал немного мандаринского наречия, заинтригованный его вопросом: "Молодой человек, уже поздно". Куда вы едете с лошастью?"

"Это мул".

"Я взял его в жертву, мистер." Чжан Лишэн улыбнулся, отвечая беглым английским.

Турист среднего возраста с большой бородой был немного удивлен, потом засмеялся с открытым сердцем и сказал: "Молодой человек, вы прекрасно говорите по-английски, но я француз".

Чжан Лишэн не ответил ему в этот раз, пока он тянул мула и уехал один.

Когда он подошел к въезду в деревню, на пустом месте стояли еще две полицейские машины, задача которых состояла в том, чтобы не допустить повторения еще одного злостного уголовного дела.

Поскольку это не было стандартной миссией по наблюдению, дежурные полицейские, казалось, были довольно расслаблены. Они все курили и болтали за пределами машин.

Видя, как Чжан Лишэн идет с мулом вперед, они сбились с толку. Прежде чем оторваться от мысли, они увидели, как Чжан Лишэн случайно вошел в густые джунгли, которые застали их врасплох.

Западные жители Сычуань, естественно, знали, как страшны густые джунгли, особенно ночью.

Сильный офицер-криминалист сказал, находясь в недоумении: "Капитан-капитан Лонг, Чжан Лишэн вошел в джунгли, мы ведь не должны за ним идти?".

Человек, который руководил командой на этот раз, был Лонг Гуаншэн, который проверял возраст Чжана Лишэна. Он выглядел встревоженным и бросил свой сигаретный окурок, затем сильно наступил на него, чтобы потушить его, в то время как он сказал: "Я видел это". Этот парень еще молод, но у него точно есть какие-то трюки".

"Не волнуйтесь, шеф Ян попросил нас быть здесь, чтобы следить, чтобы предотвратить еще один серьезный случай, но, видимо, не стать его няней. С тех пор, как Чжан Лишэн сам вошел в джунгли, мы ничего не можем с этим поделать".

Хотя он сказал, что, Лонг Гуаншэн был настолько раздражен, что он чуть не сломал свой передний зуб, сильно кусая в него, а затем подумал о неожиданных неприятностях, которые случились с миссией его руководитель назначил его.

<http://tl.rulate.ru/book/21779/757511>